

Анджей ВАЙДА: Известия - 2007. - 3 апр. - с. 1-2 Фильм о Катыни должен быть российско-польским

Приездом легенды европейского кинематографа Анджея Вайды Петербург обязан Музею Достоевского, организовавшему специальную программу «Вайда и Достоевский». В музее сейчас развернута выставка рисунков режиссера на темы Достоевского (все они подарены музею), а вчера в Доме актера прошла презентация книги Вайды «Достоевский: театр совести», переведенной на русский. Перед презентацией Анджей ВАЙДА дал интервью спецкору «Известий» Юлии КАНТОР.

— В ближайшие дни вы встретитесь с питерскими актерами Белого театра — планируете сделать спектакль?

— Я провел несколько репетиций с Белым театром, хотел посмотреть, есть ли перспективы для новой работы. Я хотел бы сделать «Идиота» с русскими актерами именно в городе Достоевского. Пока рано говорить, имеет ли мой замысел право на существование: это совсем другой взгляд на роман, новая интерпретация.

— В книге «Достоевский: театр совести» вы говорите о диа-

логизированном самосознании героев. Насколько этот внутренний диалог созвучен сегодняшнему дню?

— Я думаю, что если я что-то и сделал в театре, то это постановки Достоевского. Работая над его романами, я понял, что самое главное — диалог. Испортишь Достоевского можно именно сокращая внутренний диалог героя с самим собой. И до сих пор нет ничего более актуального, чем внутренние дилеммы, которые решают герои.

(Окончание на 2-й стр.)

Анджей ВАЙДА: Фильм о Катыни должен быть российско-польским

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

— Насколько Достоевский и русская литература вообще востребованы сейчас в Польше?

— Мне кажется, что в Польше всегда был интерес к великой русской литературе и русской культуре в целом. И в большой степени этот интерес не был подвержен политической конъюнктуре, сопровождавшей взаимоотношения наших стран. Великолепная традиция перевода русской литературы на польский язык — достаточно, например, вспомнить Юлиана Тувима — делала русскую литературу доступной нашему читателю.

— Связав свое имя с «Солидарностью» и став сенатором, вы сказали: «Художник должен расчищать дорогу для искусства». Вы не считаете, что художник, «расчищая дорогу», рискует перестать быть художником?

— Я долго работал для того, чтобы мое имя было известным, чтобы оно стало значимым в общественном мнении. И перед первыми свободными выборами Лех Валенса и его советники справедливо решили, что выборы можно выиграть, если в списках для голосования появятся «говорящие фамилии». Я баллотировался от Сувалок — области, где родился. Моим конкурентом был генерал от компартии. Наши оппоненты написали листовку: «Может ли режиссер понять издалека простого человека?» Но тогда «простой человек» меня отлично знал. И я стал сенатором. Я думаю, что в жизни художника наступает момент, когда он должен влиять на настоящее и будущее своей страны не только творчеством. Я старался изменить польскую действительность, принимая участие в решении тех вопросов, которые делали новую Польшу свободной.

— Но вы ушли из политики. Почему?

— Свобода привела к тому, что польское общество избрало таких своих представителей, каким было оно само. И сейчас та листовка о «режиссере издалека», о которой я только что говорил,

возымела бы действие: я не думаю, что мог бы быть избранным в теперешний парламент.

— Вы разочарованы?

— Мы боролась именно за то, чтобы общественность говорила своим голосом. И нынешний период нормален, неизбежен. Что толку, если бы я и был разочарован... Общество должно иметь право свободно выбирать достойных себя политиков. А мое право — быть недовольным этим обществом.

— Новый польский зритель перестал смограть фильмы и спектакли Анджея Вайды?

— Кино покинула польская интеллигенция — она села перед телевизором. А молодежь, проходящая в кино, рассматривает его как развлечение, благо появилось множество развлекательных фильмов — в значительной степени зарубежных, американских. И такие ленты, как, например, «Доктор Корчак» и «Страстная неделя», долгое время не имели шансов пробиться к зрителю. Но вот Хоффман сделал «Огнем и мечом», потом я — «Пана Тадеуша». И вдруг выяснилось, что у нас есть публика. «Пана Тадеуша» посмотрели 7 миллионов человек — каждый четвертый поляк. И мы поняли, что зрители хотят подкрепления своего интереса. Сейчас я жду, как публика примет фильм, ко-

торый я только что закончил, — «Земста» по известной комедии Александра Фредро.

— Тема Второй мировой войны сопровождает все ваше творчество: «Пейзаж после битвы», уже упомянутые «Страстная неделя» и «Корчак». Нет ли замыслов вновь вернуться к проблематике Второй мировой?

— Уже в этом году я хочу начать работу над фильмом о катынской трагедии и о той лжи, которая десятилетиями окружала эту трагедию. Все, кто пытался узнать и сказать правду о Катыни, погибали, смерть шла за ними по пятам. Я должен говорить об этом.

— Катынь — в известной степени автобиографическая для вас тема — жертвой той трагедии стал ваш отец, офицер польской армии. Фильм будет по вашему сценарию?

— Нет. Сценарий уже практически готов, а создал его наш очень интересный писатель Владимир Одоевский. Уже есть и польские продюсеры, готовые работать над фильмом. Я надеюсь, что мне удастся заинтересовать этим проектом и российскую кинематографию. Ведь Катынь — трагедия, затронувшая оба наших народа. И такой фильм может, должен быть, как мне кажется, польско-российским.

Санкт-Петербург